

АЛЕКСЕЙ ШЕПЕЛЁВ

МОСТ СКВОЗЬ ЗЕРКАЛО

РАССКАЗ

Эту собаку знает, наверное, едва ли не каждый житель городка: её трудно не заметить — в самом центре, на мосту через речушку Кожурновку, бегаёт вдоль трассы за машинами и лаёт. И здесь она каждый день в любую погоду, кто-то даже её подкармливает. Я, однако, хоть и ходил каждый день мимо, долго не мог посочувствовать незавидной её собачьей участи, да и что мне до собаки какой-то уличной!.. Аня же мне сразу разъяснила: и что псина породистая, и что кидается она, вылетая на полотно, не ко всем машинам, а только на легковушки определённого типа и цвета — тёмно-синие и “такие грязно-баклажановые”... И что сбивали её уже, но всё хромает — хозяина ищет, — говорят, уже лет семь.

Подмосковные Бронницы — городок по-своему тихий и уютный, по стремлению властей спортивный. Для пеших и велосипедных кружений — опоясанное асфальтовой дорожкой Бельское озеро, вполне живописное, особенно летом — в цветах и травнице, да и зимой тут не так уж уныло: коты, например, скачут — в сугробах и в кустах, а то пробираются по льду — к полыньям, что ли, за рыбой... Я столько тут нарезал кругов на ногах и колёсах, — видимо, не совсем физкультурно-спортивно, как

ШЕПЕЛЁВ Алексей Александрович родился в 1978 году в селе Сосновка Тамбовской области. Окончил филфак Тамбовского университета и аспирантуру Тамбовского технического университета, защитил диссертацию на тему “Достоевский в художественном мире Набокова”. Прозаик, поэт, литературовед, рок-музыкант, радиоведущий, лидер группы “Общество зрелищ”, кандидат наук. Лауреат премии “Нон-конформизм”. Автор романов “Echo”, “Маххитим еххтретим”, повести “Мир-село и его обитатели”, рассказов. Член Союза писателей Москвы. Публиковался в журналах “Дружба народов”, “Новый мир”, “Нева”, “Урал”, “Волга” и др. С 2020 года стал автором и “Нашего современника”. Живёт в Анапе.

местный молодежь, — что знаю здесь каждый куст и каждого кота... Да всё одно и то же, не по-спортивно сонно даже, с остатками местечкового гопарства, зато без столпотворенья, как в *далёкой* и неправдоподобной отсюда столице — тут, например, не надо даже особо приобочиваться на узкой, плохо заасфальтированной дорожке, давая проход мирно гуляющему, ничем не выделяющемуся мэру... И лишь весной однажды всё побережье вдруг было завалено здоровенными, если не в рост человека, то точно с второклассника или хорошую овчарку, каким-то образом повыпрыгнувшими из-под льда рыбинами... Быстро стали разлагаться на припёке, котам тоже не взять — в общем, недобрая аномалия...

Но это чуть в низине, за домами, а главная улица — как в Тамбове, да, наверно, и многих городах, Советская — прямая магистраль, совпадающая с злосчастной федеральной трассой, ближайшие точки косо — Москва и Рязань. Круглые сутки я вижу из окна поток машин, стёкла трещат от гула, башка трещит даже без похмелья, а сквозь стекло — и кажется, что из зеркала рядом тоже, — даже свист какой-то... Зеркало стоит косо в ящике от трельяжа, размером в пол-окна, в нём тоже всё гудит, дрожит и мчится, — быть может, чуть быстрее, чем на самом деле... С пятницы по воскресенье здесь возникает гигантский затор, летом от гари без преувеличения мутнеет в глазах, да и смотреть на эту рябь блестящих, супермощных, циклопических, но покамест не летательных аппаратов, шкурой уже чувствуя, как сидящие в них гуманоиды-Голиафы поминутно дают рывком то одну педаль, то другую, всем существом устремившись куда-то вперёд, в заветные дали, в коттеджи-дачи, к клочку огороженной, не изъеденной дымом природы, где жарятся только купаты на решётке барбекю... А тут катишь на велике — и километр за километром всё эта плавающая на солнцепёке, гудящая, бампер к бамперу и бок к боку пробка... Она как-никак движется, а выплеснутые отрицательные эмоции, иной раз, кажется, остаются — оседают, как грязь и гарь на подтаявший снег... Как та собака, которую вышвырнули из авто посреди города.

Подтаявший снег — это уже из того дня, на него я словно из любой точки пространства тамошнего и времени сбиваюсь... Центр Бронниц — высокая колокольня красного кирпича, что называется, доминанта, растущая из земли чуть-чуть набок, как будто современная вокруг асфальтовая накатка грешит против исконного ландшафта. Как проезжает мимо автобус с туристами — всех высаживают у подножья поразмяться, поглазеть — рядом ещё XVIII века храм Архангела Михаила. Вытянутый вывес собор увенчан пятью большущими куполами — некрашеными, свинцовыми, словно тучи, но для нас с Аней не давяще-тяжёлыми, а больше напоминающими взлёт дирижабля... К собору примыкает вытянутая уже по горизонтали церковь, более поздней постройки, с колоннами. В оградке у собора похоронены Пущин и Фонвизин; кажется, в первый Анин приезд мы, выйдя бродить ночью, что называется, распивали тут из горла шампанское!.. Потом узнал: церковь в честь иконы Иерусалимской Божьей Матери, спасшей город от мора, а Фонвизин — не тот, а его племянник-декабрист и сочинитель-утопист, после смерти которого жена его вышла замуж как раз за Пущина.

Вообще я, как водится, достопримечательности изучал именно таким способом, а по ночам — и в два, и в три — по старой привычке шастал по ларькам за подкреплением по слабо освещённым магистралям и тёмным закоулкам, практически никого не зная, никого не боясь. Иногда я, правда, попадал в некую пространственно-временную лагуну, для меня самого неочевидную: когда меня уже дома ждала Аня, она ждала часа по два, мне же казалось, что я вполне укладываюсь в заявленное “десять минут до магазина, десять обратно”, а когда звонила, я отвечал не сразу или отвечал нечто “невообразимо странное”...

В привычных координатах всё прямолинейно. Посмотришь: напрасно растёкшиеся по брусчатке и дальше по асфальтово-квадратной пустоши этой присоборной мини-площади туристы ищут туалеты — их тут нет. Тут есть только неуклюжий параллелепипед с пыльно-стеклянными, как в советских универмагах, витринами — какой-то полузаброшенный дом культуры или творчества, за одним углом коего всё же справляют нужду, а из второго его угла вытарчивается мигающая пальмами вывеска некоего заведения, по нашим

догадкам и отзывам местных, действительно значного... Чуть пройти вперёд — тоже кардинальнейшая, что называется, формирующая контекст вывеска: “Бронницкий поссож” — вроде бы торгово-бытовой центр, на деле — никем не посещаемая одноэтажка (работая в газете, я заметил опечатку, на что дизайнер закоренело отмахнулся: “Да хоть *поссож* напиши — всё равно не заблудишься!”); и тут же, у начала центра, светофорный переход через ту самую главную дорогу, чтоб попасть уже на собственно главную площадь у автовокзала, где в тот день мне вечером надо было встретить Аню...

Я дал круга три моциона по озеру (тогда ещё не бегом, но ночные походы по ларькам уже совсем оставил), при отсутствии освещения тут уж стемнело до полного неприличия — настолько, что иногда в движущаяся навстречу паре человек-собака мерещится если не Мальдорор “со своим псом” (как мне), или мефистофелевский пудель — “с хозяином и гигантский” (как Ане), то уж вообще такое, от чего Анютинка, только схватившись за мою руку, физически бьёт меня страхом, как током. (И знаем мы, что помним: что с мешком ужасным за плечами и с головой в руках, что сам в том пуделином облике явился. И забываем, и не знаем!..) Мгновенная передача информации — мгновеннее, наверно, и полнее не бывает! А то в лесу здешнем, вроде и небольшом совсем, когда мы заблудились и что-то мелькнуло в бесконечных зарослях, таким же электрошоком меняхватила, только оголодавшего уже, отчаявшегося и измотанного куда сильнее... Но здесь-то мне плевать, хотя вот один случай потом и меня окоротил...

Но покамест я знаемыми и впотьмах тропами выбрался по набережной к собору. Посмотрел на телефон — девять, как раз ко времени, даже каких-то пять минут лишних... Тут уже фонари светят вдоль трассы, хотя и коричневато-желтоватым еле копят, да с Нового года висят гирлянды из простых, как встарь, крашеных лампочек, тоже вполнекала и через одну уже потухших...

Прошёл наискосок, но очень быстро, чтоб шеей особо не вертеть на постройки, высота, мощь и значение которых, мне показалось, и без того чувствуются. Выскочив на пустынный асфальтовый квадрат у ДК, я всё же решил оглянуться — бросить взгляд на классический, всюду тиражируемый вид города. Захотелось даже вернуться — рассмотреть, коль есть минутка, поближе, но тут же поймал себя на мысли, что, вероятно, здесь как-то *не принято*, как и везде в провинции, расхаживать неспешно и тарашиться, задирая голову и фотоаппарат, на всем привычные домины. Я остановился в нерешительности, ещё и ещё раз оглядываясь...

— Эй, ты! — тут же моим опасливым мыслям пришло воплощение. — Ты с ДСУ?

Может быть, они спросили про МТУ или ещё что-то подобное, я не слышал и не понял, а только, наверно, вздрогнул и посмотрел на них.

— Гля, с рыжей бородой, точно он, падла, — переговаривались они, оторвавшись от угла заведения, на ходу застёгивая куртки или ширинки, приближаясь ко мне едва ли не бегом.

— Тебя Лёха зовут? С ЛСУ?! Пстой, стоять, стоп-машина!

Магический оклик по имени, боюсь, всё же заставил меня затормозить, я и впрямь замешкался, пошатываясь, стараясь не кивнуть.

Двое — не подростки и не мужичьё местное, два тридцатилетних бритых лба в кожаных куртках — выходцы из 90-х. Сразу дать дёру, — но не-solidно, да и куда здесь...

Главное, мелькали автоматические уже мысли, не зависнуть, хоть как-то продвигаться вперёд, надо что-то ответить... Но что ответить, когда вопрос... И когда уже тебя схватили под руки и куда-то тянут.

Страх парализует — не думал об этом... И вообще всё же не вмещается в просвещённое наше сознание, чтоб людей на улице хватали, в самом что ни на есть освещённом центре, а если и вопиют факты, так это “не у нас”.

Случай, сейчас перебею и расскажу, был как раз *с собачками*. С первого взгляда, смешно даже... Я облюбовал для променадов вокруг озера тьму и ненастье, чтоб поменьше двуногих... Вот и нарвался.

По одному берегу водоёма тянутся домики-дачи, — хоть и маленькие, но обзавидуешься: балконы, мостки, спускающаяся из оградок к воде, дичая и разрастаясь, облепила. В другой стороне — теремок какой-то в загородке,

с продажей алкоголя — *дикий привал и пустынный*: просто утоптанное место меж полуобвалившихся вётел, за столы и стулья — неровно напиленные, порядком подгнившие пеньки, музыка орёт каждый день, а посетителей — ноль, такое ощущение, что заседают в сем тереме токмо сами торгующие... Как только приехал, по своему неопитству я посидел пару раз на некомфортных пеньках, а потом даже дорвался ночью — и сплясал на них, и пораскидал все... Да и вдвоём с Анютинкой в какую только полночь где мы только на лавочках с бутылочкой не заседали!..

Но оказался я уже в самое свинцово-нависшее морозное неурочье на другом берегу, дальнем от города... — где летом зеленеют лужайки, ровные, как для гольфа (на самом деле футбольные), и мы после дождя выматрируем тут белеющие шариками воображаемой игры шампиньоны... А вечером зимой — пустырь в сугробах, наледь, пронизывающий ветер!..

В темноте я не сразу заметил их — ускоряя ход, буквально наткнулся: они сидели прямо на тропинке, по обеим сторонам, как два стража. Две здоровые тёмные собаки — как два древних сфинкса или льва свирепых окаменелых. Рядом, в оледеневших рывтинах, залегала вся стая...

Я знал про эту стаю бродячих собак и видел их не раз: то в стужу они у Вечного огня греются, то у рынка за автовокзалом трутся, а часто и здесь по берегам скачутся. Ну, скачутся — и тьфу на них, хотя ведь тоже кто-то повыкидывал: гадекая эта мода на больших собак, а потом кормить и ухаживать неохота. И набралось их с десятков здоровенных разномастных псин, от голода и стужи совсем освирепевших. Как раз в те дни, недель, может, раньше, мы краем уха слышали о случаях, что на детей они напали, и настолько дико, что ватаге школьников было не отбиться, кого-то даже загрызли насмерть. Аня работала на местном ТВ и сообщила мне, что брошен клич, после чего мужики с ружьями их день-другой гоняли, но убили лишь пару, а остальные семь-восемь так и скрылись, на том всё и улеглось.

Дать по тормозам и драпануть сразу — вот что надо было сделать. Сначала обычным шагом, а дальше — что есть мочи. Но я, признаться, сначала так и принял в воображении их за нечто призрачно-непонятное, за смутных сфинксов, за двух сторбавившихся прямо на белеющей дороге чёрных химер — и, думая развеять наваждение, подскочил к ним слишком близко. По тормозам-то я дал, но тут же вспомнил, что не дитя я, а мужик, что коли боишься — они это почувствуют и почуют. И — была ни была — рванул вперёд всё тем же быстрым шагом, авось проскочим!

Но где там — эти два загонщика и стража так сразу на меня и бросились. Размер недетский, зубищи, злость в глазах звериная. Я, правда, как-то отскочил всё ж вбок — хоть из тисков их вырвался. Они примериваются, морщат морды, клыки ещё те... И из засады повыскакивали все остальные — тоже разъярённые, с горящими глазами и оскалами!.. Ну, думаю, попался. Какую-нибудь хоть палку или камень. Но где там — кругом лишь наледь голая, мороз и тьма (я без рукавиц или перчаток по своему обычаю), лишь ветер свищет...

В эти мгновенья у меня промелькнули вспышкой-молнией в сознании, как бы на миг осветив подсознание, давнишние, но не осознанные мысли о том, чего я боюсь больше всего, о так называемой природе страха. Больше всего, я понял, мы боимся... я боюсь... чего-то, кого-то *антропоморфного*, то есть именно *кого-то, личность*. Как в фильме Линча "Шоссе в никуда" самый страшный момент — секундная смена кадра, неуловимое размазанное движенье, когда *этот кто-то*, прячущийся в мусорных баках, просто перебегает куда-то. Снежный человек, демон, пришелец-гуманоид, призрак, маньяк-убийца, карлик, полужверь, но тоже осознающий, по сути, твой двойник, мельком отражённый в зеркале, кем, задержавшись, взглядевшись и оскалившись, и ты можешь стать. Выражаясь выпенренно и книжно, он *разум* попрали и употребил во зло. А химеры, сфинксы — уже чуть проще, искры Божьей искорёженной в них нет, львы, собаки — зверьё...

Понятно, что если эти сейчас начнут рвать, то и остальные кинутся. Волки, если в клетке, куда тщедушнее и жалкие такие... В детстве меня покусала собака, и неплохо. Виноват был сам — хотел в перетяжку каната сыграть:

тыкал прутом, травил, чтоб за зубы вытянуть её из будки. С тех пор чураться их, всегда мне неприятно, чего Анютинка, слегка подтрунивая, не понимает: она их подзывает, треплет, разговаривает с ними, угощает, отсылает прочь...

Но есть же хоть на волос превосходство человека?! Я стал кричать: “Пошёл!” — и из кармана хоть телефончик вытащил — он маленький, — им замахиваясь. Адреналин и мне ударил в голову. Минут через пять, выкрикивая, как мог, брутальней, замахиваясь, будто бы в руках дубина, поворачиваясь к ним лицом, глядя в глаза с такой же дичью, но пятясь, я кое-как “отбился”, чуть отдалившись. Спокойно, но уж на ватных, дрожащих ногах отошёл, с поднятой, как факел рукой... всего, наверное, метров пять, перевёл дух и — запустил бегом.

Потом, за неимением лучшего, я стал ходить на прогулку-пробежку с молоточком за подкладкой куртки. Он небольшой, но всё же...

Но в тот *обычный по всем приметам* день я молоток не взял. Да хоть бы взял — и что? Меня хватают, тащат. Кричать? Вы издеваетесь? Смешно... Вот самый центр — вокруг же ни души. Да и случись прохожий или прохожие, три взрослых мужика заочевряжились — кто вступится, да хоть бы остановится?! Естественно, лишь ускорят шаг!

Я чуть рванулся и зацепился рукой за дорожный знак — по-идиотски выглядит!

— Пойдём-ка с нами! — ухмыляются они. — Давай его, тащи!

И рванули. В голове — мгновенная лихорадочная калькуляция: как рвануться, как кого ударить, куда рвануть. Но понятно тут же: всё бесполезно. Уже заламывают руку...

Мне в доли секунды как никогда ясно представилось, что сейчас будет и куда тащат. Вон в тот закоулочек за *посожем* — там только спиной об стенку с розовой побелкой и следующий жест невзрачный — ножом в трубу, после чего, обмякнув, приседаю и валюсь, держась за живот, нелепо улыбаясь... “Что же Аня, а Аня как же?” — думаю, рассматривая уже подтаявший грязный снег совсем вблизи и похолодевшую (или горячую) ладонь в чём-то сером, жидко-липком. “Как же мне домой — ползти? звонить?” — всё вспыхивают, быстро, правда, угасая, нервно-весёлые, зряшные мысли: уж и ползти я не могу и не хочу, и даже звонить.

В животе ощущаю... Непонятную, непривычную, сладковато-саднящую разрастающуюся лёгкостью брешь. И вижу их: обчирнув лезвие об глыбу снега, сплонув, закурив, отчалили. Чуть поспешая, как ни в чём не бывало, удаляются. За поворотом один пристал к забору, возясь с ширинкой, второй ругается. В итоге помочились оба и тут же сразу в “джип” тот чёрный у порога заведенья — их, а чей же. Простецки всё, смешно и жутко.

Вся жизнь... вся кутерьма, вся боль, стремления, старания... *Амбиции...* лю-бовь... Один тоже любил — Еву Браун, овчарку Блонди, рисовать!.. Снег этот неиззясно и по-весеннему просто пахнет жизнью — талой водой, грязью, собачьим дерьмом, бензином, штуркатуркой, корой деревьев, землёй, сосульками, льдом и снегом.

...Будет ли это, как сейчас, подтаявший, в сосульках, вечер; будет ли трескучая и бело-выюжная, до бездорожья, пора — как и когда я появился на этот свет... жаркое ли, давящее удушье стоящего пространства-воздуха, так что от гроба, будто бы висящего на двух точках, вытянутого на привычных в другом качестве табуретках, придётся распахивать все окна и форточки, и всё равно мало... Будет ли жирная пора скользящей грязи и реденькой, гвоздиками в расчёске, зелёненькой травки; будет ли невообразимое взрывное буйство яблонь, одуванчиков, соловьёв, лягушек и черёмухи; или спрессованные, промокшие листья под ногами... — всё равно. Всё равно: единственное, что мы можем стопроцентно предсказать, это то, что мы умрём.

Даже в зелёных вспышках на багряно-красном зареве неба, — как фейерверк или ракетница, или салют, только в тысячу крат больше и ярче, даже в красных вспышках-цветах на нестерпимо зелёном небосводе, — когда Звезда Полярная стоит в зените, кислотно-горьким насыщая наш дух и воздух, и рушатся-свистят вокруг кометы... Даже здесь мерещится всё та же гибель безвозвратная, всё одно же.

...И я не встречусь больше со своей Анютинкой — никогда. Даже за порогом конечно-здешнего, убитый грехом уже здесь, протравленный, как семена, и давший плод причудливо-обманчивый — блестящий кожей, но сладковато-прелый и червивый, я вряд ли увижу её там... Может, только чудом её молитвы и любви, может, чудом надежды — всё равно пока чудом не выгрызенной и до конца не изгнившей — надежды на что? — на то самое чудо нездешнее — на сопутствующую нам изначальней, чем грех, любовь и милость...

О, если бы можно было всё вернуть, что-то исправить... Анютинка моя, никогда не называемая полным именем, незнаемая АН-НА! Маленькая, хрупкая, но имя какое мощное — как и голос... она бы на них крикнула!..

Вот он — *Мост сквозь зеркало* — рассказ с таким названием и всё хотел написать, присматриваясь к большому мосту на выезде из Бронниц и даже по нему выхаживая... Да сколько тут мостов... Зеркало, мост — те самые, таинственные, но со значением символы, только не даётся мне обычный мистицизм, теперь подавно литературщина всё это...

Но вот на миг я заглянул туда.

— Точно он? Уж сколько...

— Я не с ДСУ! — услышал я их голоса, услышал свой голос, почувствовал боль и страх, с которым, я понял, уже совладал.

— Я журналист! — выкрикнул я в порыве ветра, но несильном, тёпловато-сыром, пахнущем тем, чем пахло в той подворотне.

И дальше твёрже, внутренне уже чуть спокойней, но всё равно с агрессией — как на тех собак: что на ТВ работаю, здесь живу, никакого ДСУ или МТУ я не знаю, и не из Дзержинска я, а если что — меня весь город знает, вас найдут!

Про ТВ, наврал, конечно. Уже настолько стал добропорядочен, даже вежлив, что твой урождённый интеллигент-воспитанник хорошосемейный — самому стыдно. “На дядю фраера собака лаяла!..”

Они чуть ослабили хватку, усомнившись-совещаясь, и я вырвался и отскочил. Бежать я, однако, не пустился. Придав некую напускную человечность равнодушно-недобрым бандитским лицам, они откланялись:

— Ты, брат, извини — обознались. Нормально. Если не ты, то ладно...

Я тоже едва не снял, как д’Артаньян, шляпу. Как только загорелся зелёный, я обычным быстрым шагом погнался к автовокзалу.

Как раз приехала Аня. С ней молча дошёл до дома, стараясь быстрее. На вопросы огрызался и обрывал. Меня чуть отпустило, но ощущение в животе всё ещё ныло, зубы сжимались, потрясывало — хотя уже не физически, а как-то внутренне, метафизически. Она, конечно, сразу заметила, а дома и подавно. “Ты бледный весь!” Я рассказал, но тоже отчуждённо, как будто стараясь, чтоб меня не коснулась её жалость.

“Всё понимаешь, — подумалось мне (а ещё сам собой родился странноватый, какой-то скоморошный образ), — и ослепительно ясно, как прозревший... Но одно с другим не складывается — как лёд и масляный блин горячий”.

Всё забывается, и стараешься забыть. Всё стало, как и прежде. В нашем мире заведённого, заедающего механизма *любовь* — лишь краткий миг, когда блеснёт *оттуда?*.. На берегу озера, примерно где я встречался с собаками, выстроили огромный стеклянный спорткомплекс; купола на соборе заменили на более привычные (золотой и аккуратные синие); на колокольню водрузили часы, по-старому отсчитывающие новое время.

Вскоре мы поженились и переехали на другую квартиру на окраине — “возле Моста”. А под самим тем мостом мы как раз и праздновали свою импровизированную свадьбу.

Это для меня — только проснулся, бросил взгляд на зеркало — ненавистный поток машин, гудовень и копоть, случайные слепящие блики в окне и в зеркале, и этому нет конца. А для неё другое: вот, показывает, сдвинув штормку, кот на остановке сидит. “От дождя, наверно, спасается. Смешно так: как будто он сейчас сядет в автобус и поедет!” И действительно — как только дождь, кот тут как тут.

И у нас здесь уже свой кот, тоже на улице найденный, на окошко вспрыгнул.